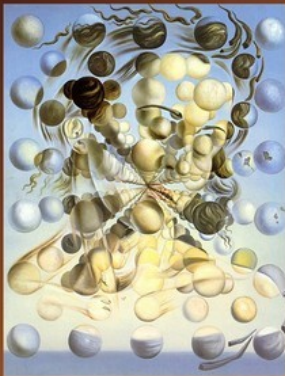

ИРИНА ЦЫПИНА

БЕГСТВО ИЗ РАЯ

израильский сюжет

emigration.ru

Ирина Цыпина

Бегство из рая.

Emigration.ru (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22308478

Ирина Цыпина (Азаренкова) Бегство из рая. Emigration.ru: Рассказы,

эссе, новеллы.: Э.РА; Тель-Авив; 2016

ISBN 978-5-00039-243-0

Аннотация

Книга отмечена почетным дипломом Германского международного литературного конкурса русскоязычных авторов «Лучшая книга года»-2016 Ирина Цыпина – журналист, живет и работает в Израиле. Публикуется во многих русскоязычных изданиях. Автор и редактор международного сетевого литературно-публицистического журнала "ЛАБИРИНТ25"

Содержание

Откровения автора	5
Об этой книге	7
Восток – Запад (Матрица бытия) – современная эссеистика	10
Между двумя мирами	10
Код предательства	15
Уроки Багдада	26
Женская война	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

**Ирина Цыпина
(Азаренкова)
Бегство из рая.
Emigration.ru (сборник)**

© Ирина Цыпина (Азаренкова), 2016

В оформлении обложки использована картина
Сальвадора Дали

Откровения автора

Дорогой читатель!

Позволь мне сразу признаться: я бесконечно рада нашей встрече и готова пройтись с тобой в режиме реального времени по всем сюжетам моих страниц. Я не буду утомлять тебя изложением фактов своей биографии. Вся моя жизнь вплетена в мои сюжеты. Я уже давно не живу в. Ru и почти привыкла к новой средиземноморской стране, где всегда лето и не бывает зим, где много моря, солнца и наших родных соотечественников. Моя среда обитания – бездонные пространства интернета, светящийся дисплей, где работаю, вычерчивая новые архитектурные конструкции и где вечером, отдыхая, записываю в WORDe новые файлы своих впечатлений. Я очень надеюсь, что мы с тобой, дорогой читатель, близки по мироощущению, что моя жизненная философия тебе понятна и созвучна, а сюжетные линии вызовут ассоциации, которые дороги, как память всего самого светлого и высокого в жизни.

Приятного чтения, эти страницы посвящаются тебе.

Обо всём, что волнует, с чем не согласен, что восхищает, раздражает, вызывает зависть, удивление и другие эмоцио-

нальные взрывы – напиши мне, и я отвечу, постараюсь понять и принять, как это бывает у настоящих друзей.

Ирина Цыпина.

Об этой книге

В современном литературоведении есть такой термин «тексты». Многие поэты, прозаики, эссеисты называют свои произведения текстами, справедливо полагая, что в наше время жанры изящной словесности настолько расплывчаты, что иной раз трудно провести границу между рассказом и очерком, повестью и романом, эссе и новеллой. Вводит в нашу жизнь новые жанры и интернет. Порой это новое – хорошо забытое старое (скажем, эпистолярный жанр или дневник...). Однако стремительность обмена информацией накладывает свою печать и на эти, казалось бы, старомодные виды прозы...

Часто смешение жанров не портит современную прозу, а наоборот – делает ее легче, объемнее, свободнее.

Именно с таким случаем нам и придется столкнуться, читая книгу Ирины Цыпиной. И если уж мы закончили разговор о литературных жанрах, давайте обратимся к содержанию этой книги.

Тексты Ирины Цыпиной по определению откровенны и очень эмоциональны. Они ярко индивидуально окрашены. Порой обилие экспрессивных знаков препинания и авторских заглавных букв – не помеха, а помощь в восприятии ее взволнованной, порой переключающейся с одного на другое, речи. Кажется, Ирина торопится высказать все, что наболело

за долгие годы, проведенные в эмиграции. . .

Эмиграция – основная тема книги. И, как водится, тут есть все ЗА и ПРОТИВ, разрыв, разлом души, мучительные противоречия и обретение себя в новой стране. Не случайно книга заканчивается словами: good bye, nostalgia. . .

Ирина поднимает вопросы, которых авторы-эмигранты касаются довольно редко. И поднимает их очень откровенно. Пишет она не только о себе. Например, чрезвычайно интересен коллаж из писем и дневников людей, живущих в разных странах. Увы, в этих откровениях, авторы некоторых из которых пожелали остаться неизвестными, вы не найдете радостных восхвалений жизни за пределами той страны, где они родились. Но лучше горькая правда, чем привычная ложь про «красивую» и «свободную» жизнь. Я знаю, что Ирина работала над созданием в интернете сайта, посвященного духовным проблемам эмиграции. Если бы это намерение осуществилось, сайт помог бы многим людям, еще живущим на родине, сделать свой выбор правильно, а главное – с открытыми глазами.

Но не только проблема эмиграции волнует автора. Здесь есть и тема любви, и тема вечности, и погружение в то таинственное, что не дает нам утратить вкус к жизни.

Мне кажется, стиль Ирины – не прост, многим будет нелегко воспринять его сразу, но тот, кто войдет в ее мир, прочитает книгу с интересом и до конца.

*Эвелина Ракитская, член Союзов писателей Москвы и Изра-
иля*

Восток – Запад (Матрица бытия) – современная эссеистика

Между двумя мирами

Сперва – о странностях любви, о моде, бизнесе, ну еще о чем? Ну конечно, о жаре, ну конечно, о поездках. О работе мы не будем, надоело! В бассейне по пятницам нет людей, почти нет, и можно насладиться бирюзовой прохладой воды, тишиной, такой непривычной для Израиля. Мы приезжаем каждую пятницу утром в тихую гостиницу на берегу моря, чтобы поплавать, позагорать в маленьком оазисе беззаботности и комфорта, на несколько часов оставив все проблемы, все вопросы, все-все, что утомляет и не дает решений. Древняя китайская мудрость гласит: *«Европа – это непрерывный поток, а Восток – неподвижен»*. Но кто же тогда мы? И где среда нашего обитания? Этот непонятный Ближний Восток. Далекий и близкий, ставший данностью и судьбой, испытанием и любовью, мистикой и реальностью. Мы хотим жить здесь, но жить, как в Европе, а не получается, не удастся. Восток непредсказуемый, коварный и страшный, врезался в судьбы тысяч моих соотечественников; бездумно и беспощадно. Но сегодня не будем об этом, мы отдыхаем, а

значит – о странностях любви, о моде, бизнесе, ну еще о чем?

Мы пьем горячий горький кофе, вокруг разбросаны газеты, реклама, кроссворды, и сладкий миндальный запах масла для загара напоминает забытый аромат любимых духов. А красочные газетные таблоиды кричат о кровавых ужасах на нашей Земле: искаженные ненавистью лица арабских шахидов, разорванные в клочья автобусы, вопрошающие глаза жертв. Простите за непринятое сравнение, но ЭТО ранит больше, чем Мемориал Холокоста, ведь это сегодняшние карательные акции, в которых погибают безвинные наши сограждане, это сегодняшний Холокост на Земле Израиля. Но сегодня не будем об этом, уйдем от себя, как советуют психологи и призывают радио и TV. По всем каналам развлекательные передачи, легкомысленная реклама, ток-шоу на тему насилия в семье или женской эмансипации, о вреде лишнего веса и о проблемах подросткового одиночества, но есть запретная ТЕМА, ее стараются обходить молчанием.

Нас призывают играть в благополучие, нас призывают бежать от себя! Жить, как будто бы ничего не происходит, как будто бы это не у нас в Израиле: страшно зайти в кафе, страшно ехать в автобусе, страшно оказаться на людном перекрестке, страшно ехать в потоке машин, страшно посещать торговые центры и дискотеки, и еще, и еще, и еще... Если нельзя изменить ситуацию, с ней надо научиться жить. Но как? Кто научит? Легко и весело пенится горячая вода в джакузи, а потом вода в бассейне обжигает контрастной прохладой.

дой, и так хорошо, так спокойно становится на душе. Красивый, ухоженный ландшафт: цветы, яркая зелень, деревья, – все создает настроение праздника, который так хочется продлить. В эту пятницу все было как обычно: утренний кофе в бассейне, кроссворды и обычный треп по мобильнику, мало людей и вдруг... Совсем низко над головой, как на авиационном параде в Тушино, пролетают *серебристые стальные птицы*. Их было три. Нарушая сонную тишину, три самолета красиво и гордо расчерчивали небо над нами, и почему-то мне стало казаться, что я телепатически вижу лица пилотов. Сосредоточенные, волевые, нездешние. Они летели в сторону Газы, напоминая, что рядом идет война и нет еще мира под оливами. Утреннее благоденствие сразу улетучилось. Увы, все в этом хрупком мире связано невидимыми нитями, все зависимо и непрочно. А через двадцать минут эти самолеты летели назад, напоминая о том, что у нас нет права забывать. Самолеты быстро растворились в выцветшем хамсинном небе. И уже не было праздника тишины и благоденствия, хотелось домой, спрятаться от реальности в виртуальных безднах компьютера и не выходить оттуда долго-долго. Почему-то я все уже знала, чувствовала: *совсем рядом что-то случилось...* Мы ехали молча на огромной скорости, а по приемнику диктор бесцветным голосом зачитывал экстренное сообщение, что ликвидирован особо опасный преступник, организатор террора, точечным попаданием ракеты в Газе. У меня было ощущение сопричастности, страшное и

необъяснимое. Ему было 29... С террористом погибли жена и ребенок. О следующем ответном витке террора запрещаю себе думать! Мы, все живущие здесь, знаем, что, увы, вслед за этим убийством будут еще акты возмездия, а мы все так беззащитны, так устали и так далеки от решения проблемы. Столько умных талантливых людей, столько хитрых политиков пишут этот бесконечный сценарий войны, но тщетно.

Запад и Восток – это как белое и черное, как пламя и лед, без полутонов; без оттенков и взаимопроникновений, и только кровавый красный цвет может существовать между этими полюсами-мирами. Восток на Востоке будет доминировать всегда, и не построить маленькую игрушечную Европу в каменном хаосе Иудейской пустыни. Мы между двумя мирами, тут действуют другие законы. Тут, перед Вечностью, человеческая жизнь – это просто пылинка в Хаосе мироздания. Здесь законы Демократии и Цивилизации просто смешны и наивны. И никакие высокие идеи и гуманитарные ценности не способны изменить этот непонятный, враждебный нам, уклад, населенный монстрами суеверий, фанатизма, ненависти и гнева. И нет ответов на поставленные вопросы, и нет спасительных решений, и нет логики в средневековых декорациях этого ирреального бесконечного сценария.

Я зажигаю Субботние свечи. Я произношу, как заклинание, Слова молитвы. Я хочу верить, что все будет прекрасно, что Новый год, ведущий свое исчисление от Начала, принесет нам долгожданный Мир и благоденствие, ведь Дух Твор-

ца живет на ЭТОЙ Земле.

«Когда же услышите о войнах и смятениях, не ужасайтесь: ибо этому надлежит быть прежде, но не тотчас конец».

(от Луки; гл. 20, 21)

И прости меня, мой Б-г, за произнесенные чужие слова чужой религии, но чужих истин не бывает, как не бывает чужой мудрости.

Так о чем мы – о странностях любви, о моде, бизнесе... о Политике?

Код предательства

Месяц назад в залитом осенним солнцем нарядном Лондоне я видела пикеты у стен Парламента, в самом сердце европейской столицы, призывающие заклеить позором «убийц детей в Ираке и Палестине» – США и Израиль. И разорванные в клочья наши бело-голубые флаги кружил осенний ветер, напоминая, что еще так далеко до всемирного благоденствия. Туристы из благополучных стран снимали тысячами объективов эту политическую экзотику, запивая колой и безразлично жуя жевательную резинку. А по воскресеньям в Гайд-парке ораторы призывают навести порядок на Ближнем Востоке, и их глаза горят таким фанатичным, таким знакомым нам из истории, блеском.

Вспомните, как Всё начиналось, кинолента фрау Лени Рифениталь «Триумф Воли» тоже была создана в просвещенной Европе, но можем ли МЫ, даже с оговорками, Это принять и согласиться?

* * *

О предательстве? Но без громких слов. Слова так же часто обманывают нас, как и люди, которые редко говорят то, что думают. И все же попробую провести ассоциативную схему предательства через несколько незначительных эпизодов, но

только абстрактно, отвлекаясь от частных деталей, без мишени, без выводов, назиданий и сюжетов. Да и какие сюжеты, когда сама жизнь так мастерски умеет это делать за нас? Предают не всегда чужие, а чаще знакомые и даже близкие; не всегда осознанно и зло, а чаще бессмысленно, подчиняясь чьей-то воле, силовому импульсу, минутной выгоде. Человек слаб, увы, но в слабости, на самом дне, всегда маячит тень предательства – возможно, еще не свершенного, не осознанного, но предательства, которое несет в себе разрушительную энергию отторжения и только и ждет своего черного часа. Истории известны факты предательств не только отдельных личностей, но и целых народов, государств, этносов, религий. Но не будем обобщать. Не будем искать виновных и пострадавших. Их просто нет, как и нет единой истины, единого абсолюта, единой формулы бытия для всех.

Свои зарисовки с натуры я назову «Код предательства». Только не судите строго, ведь у каждого есть право на своё видение...

* * *

Точно знаю, что никогда не поеду в Германию, не увижу средневековых замков и Дрезденской галереи. Сикстинская мадонна и Лорелея, родина Гейне и Гете, полноводный Рейн – без меня! Я больше никогда не поеду в Польшу, не буду замирать от восторга в ослепительных костёлах Крако-

ва, не буду растворяться в архитектурной гармонии божественных храмов. Не буду, не хочу, потому что это не мое, чужое... И не по убеждению, не по воспитанию, не по культуре, а по форме отчуждения, по примитивной дьявольской схеме, придуманной кем-то очень давно и так страшно, так жестоко и безжалостно разделяющей всех нас на этой Земле; схеме «**свои и чужие**». Поверьте, я не хочу этого, но это – реальность и ее непростительно отвергать.

Вы помните нашумевший фильм «Список Шиндлера»? Меня потрясли даже не газовые камеры, не чудовищные сцены обреченного гетто, не крупный план Катастрофы, – я была к этому подготовлена, я это знала, много читала, видела документы. Потрясли, перевернули другие кадры: организованное изгнание евреев Кракова из своих домов и квартир. В эти дома тут же вселялись немецкие офицеры, польские коллаборационисты, бывшие соседи и знакомые. Брошенные спальни, кабинеты, детские... Разорванный домашний мир. Обрывки уничтоженной жизни вчерашних владельцев. Пожелтевшие фотографии, откровенные письма, детские игрушки, подсвечники, любимые книги...

Аура изгнанных людей еще витает в этих домах. Тени и голоса будто ищут своих хозяев. Они затаились среди оставленных предметов, в пустых комнатах, в мутных осколках зеркал, так много знавших о тех, кто здесь жил. Но это уже никому не интересно. Их нет. Еще вчера здесь любили, ревновали, спорили, ненавидели, надеялись и прощали, еще

вчера, а оказалось – без завтра... Их уничтожили раньше смерти: их выгнали из Дома, выгнали из жизни, предали и унизили не только очумевшие от вседозволенности враги, но и соседи, сослуживцы, одноклассники и даже друзья детства.

Красавица Польша, трудно поверить! Кто разрешил немцам, полякам, да только ли им (правильнее – европейским народам) свершить тяжкий грех предательства? Кто виноват?

А виновных в истории не бывает! Все забывается, уходит в небытие. Страшный путь изгнания евреев, путь длиною в тысячелетия, под разными флагами, лозунгами, идеями. Историческая судьба? Историческая трагедия. Человеческая... За что? И, как всегда, нет ответа.

Европейские страны с богатейшей историей, с высочайшей культурой и традициями, вы тоже, потупив взоры, наблюдали. Возможно, терзаясь мучениями совести, но при этом сохраняя безукоризненную двойную мораль, – в элегантных смокингах и ослепительно-белых перчатках, проявляя завидную стойкость и безразличие к сотням тысяч невинных жертв, сжигаемых заживо в дьявольском пожаре Катастрофы. Да, вы изредка открывали дверь только для самых известных, самых нужных, самых одарённых, полезных для вас мучеников, даже не осознавая какой иезуитский грех лежит на этой придуманной вами селекции отбора во спасение. Адское пламя душило и жгло Европу, вас ли винить, что каждый был сам за себя?

Думали: «Обойдётся...» И обошлось. С казнями, потерями, разрухой, унижениями, страданиями... У Вас просто другая История, другая Судьба, свои мифы и трагедии, своя траектория во Вселенной. У нас нет пересечений.

Но стоит ли искать сочувствия у посторонних? Его просто нет на Земле, как нет ада и рая, как нет цены поступков целых стран и народов.

Я точно знаю, что никогда не поеду в страну, где зимой *«идут белые снега, как по нитке скользя...»*, где весной изумрудная прозрачная зелень, как на полотнах Куинджи и Левитана, а на каждом углу летом продают вкуснейший хлебный квас и ледяной березовый сок. Я не поеду в страну, на языке которой думаю. Не поеду! Только как же от Памяти освободиться? Ведь только в памяти продолжает жить наше уничтоженное прошлое.

И вновь продолжается предательство, и повторяется боль изгнания, горький вкус чужбины. И, как в те далекие времена разрушения Второго Храма, разрушен домашний очаг, ушло домашнее тепло, настоянное годами целых поколений. Семейные реликвии и традиции – все вычеркнуто, выброшено... Я не переступлю порог оставленной мной квартиры и не встречу с милыми людьми, которые живут там счастливо и комфортно уже много лет.

В этой просторной светлой квартире прошла вся моя жизнь: детство, школа, мальчики – девочки; здесь мы с мужем встречали гостей, устраивали полуночные кофепития с музыкой и стихами. В те далекие 70-е марочные вина были еще доступны, но пьянели не от них, а от жизни, которая была вся впереди. Окна квартиры выходили на школьный двор, и я тихо сходила с ума, когда мой сын-первоклассник забирался на крышу школьного гаража. В этой жизни все было просто и понятно и казалось, что так будет всегда. Но так не бывает!

И уже много лет нет меня прежней в том городе, на тех улицах, в той жизни. И опять я чувствую вкус предательства, как тогда в 89-ом. Летняя сессия, май, я после приёма экзаменов вся в цветах возвращаюсь домой, и вдруг из темноты подъезда – новая соседка из квартиры напротив, всегда хмурая, неулыбчивая, почти не знакомая. Она тяжело дышит мне в лицо и, фальшиво улыбаясь, приводит меня в ошолобление:

– Продайте мне Вашу квартиру, дочка выходит замуж, жить негде, мне так подходит этот вариант. Сейчас многие уезжают... Только не отрицайте, ведь нет свидетелей.

– Но почему ко мне? Мы не собираемся никуда уезжать!

– А ведь все равно – уедете... Подумайте, найти покупа-

теля совсем непросто.

Она точно знала, а я, наивная, думала, что выбор за мной, что решаю Я. Через неделю приятельница и коллега по работе как бы невзначай обронила:

– Будешь уезжать, продай мне квартиру, мне так нравится Ваш район. Муж; работает в обкоме, поможет с отъездом, ты ведь знаешь, какие это хлопоты.

Я возненавидела ее, но она оказалась права: ровно через год ключи от квартиры, машины и гаража я небрежно швырнула на стол и подруга детства желала мне удачи, помогая паковать багаж, втайне опасаясь изменения моего решения. Я это видела, чувствовала. Писем из Израиля я ей не пишу. И она не пишет. Разные судьбы.

В воздухе витало ранее непонятное, бесцветное слово «погром», «Протоколы сионских мудрецов» неожиданно стали бестселлером. Лгали, предавали любимые писатели, артисты, кумиры юности. Я вдруг почувствовала на себе печать проклятия. В Израиле, наверное, «Список Шиндлера» все же легче смотреть, чем Там и чем в Германии, где по странной иронии так много «наших». Чувство Дома не приходит сразу, здесь его надо выстрадать. Хватит ли оставшейся жизни? Только бы у детей был этот Дом, навсегда. Только бы хранил Б-г эту израненную Землю, только бы закончился террор, наше кровавое жертвоприношение.

Но не будем о грустном. Еще один сюжет, еще один штрих предательства, но не явного, а хорошо замаскированного, на

подсознательном уровне.

Итак, «Русские сезоны» в Иерусалиме. Новое Время. Новый Век.

В далекие 50-е Анна Ахматова пророчески произнесла:
– *Встретятся две России: та, что сажала, и та, которая сидела. Узнают ли, поймут друг друга?*

Позволю провести ассоциативную параллель – *узнают ли друг друга те, кто уехал и те, кто остался?*

Встреча не заставила долго ждать. На все есть мода, и дешевые поездки в Израиль стали массовым, рядовым явлением. Ведь можно сэкономить на гостинице. Море, пальмы, экзотика. В ресторанах, кафе, магазинах обслуживают на русском, да и у каждого, если поднапрячь память, найдётся здесь хоть один знакомый из прошлой жизни. По изложенной банальной схеме я принимаю не очень близких людей Оттуда, с которыми когда-то пересекалась в юности. Экскурсионный автобус везет нас по христианским местам Иерусалима. В автобусе одни туристы. Остро чувствую себя чужой в этой толпе. Сложно объяснить, почему. Другие слова, другой сленг, другие акценты, даже модель поведения и одежда, другое время. Обрывки фраз из новых политических анекдотов: Путин, Матвиенко, Абрамович...

Беззаботные улыбки отпускников, за окном – палящее солнце, яркие цветы, эвкалипты, – фантастическое ощущение

ние летнего отпуска в Крыму, экскурсия Дома отдыха «Южный», где-то в каком-то 80-м году. Экскурсовод, бывший работник Эрмитажа, хорошо поставленным голосом, с драматическими паузами, рассказывает о страшной пасхальной ночи Первого Седера, ночи, известной всему миру как Тайная Вечера, ночи предательства друзей, верных учеников, единоверцев. Может, эта далекая пасхальная трагедия и привела мой народ на Голгофу? Или через испытания и Возвращение мы познаем Истину? Каждый раз Старый Город меня завораживает своей мистикой и недосказанностью... Но эмоции так старомодны! Мои спутники приехали не за тем, они штурмуют сувенирные лавки, без сожаления расстаются с долларами, весело сметают с прилавков крестики, иконки, свечи, золотые украшения и даже бейсбольные шапочки с уродливыми пропеллерами на козырьке. Оптика самых престижных мировых фирм, позирование на фоне иконостасов и алтарей, громкое обсуждение, где выгоднее покупать золото, – в Греции или в Турции, но электронику – однозначно в Эмиратах.

На обратном пути все дружно жалеют своих знакомых, новых израильтян:

– Что они выиграли, променяв Москву и Питер на эту Бухару? Черные от работы, в крошечных квартирках, купленных за кабальную маишкенту и ссуды, изнывающие от африканской жары, хамсинов и взлетающих в воздух автобусов. Чужие среди «своих». Что их держит?

* * *

Нет, я не с Вами, Господа! Вам не понять, что есть ценности выше зеленых хрустящих купюр, выше комфорта, политики, житейской логики, престижа и успеха. Это сложно объяснить словами, это нужно прочувствовать на генетическом уровне. Просто Вас никогда не изгоняли из собственного Дома.

А перед глазами последняя Золотая осень (в Африке не знают этого времени года): отъезд, желто-багряные листья и забытые стихи уже ушедшего поэта:

*«Прощайте, прощальный свершаю обряд,
Осенние листья, как порох горят
И капли на стеклах, как слезы чисты,
Сжигаю мосты...»*

Кто ответит – это было предательство или только предчувствие Беды? В день отъезда моя квартира была похожа на кадры из знаменитой киноленты Спилберга: оставленные вещи, книги, картины, на подоконнике уже ненужные конспекты моих вчерашних лекций, холодный недопитый кофе...

*«Горящими листьями пахнет в саду
Прощайте, я больше сюда не приду.*

*Последние листья,
Деревья пусты.
Сжигаю мосты».*

P. S.

В День Памяти Холокоста в Израиле вся наша страна застывает на минуту в скорбном Молчании, и эти Все – единая нация: старожилы страны и олимпы, сефарды и ашкеназы, датшники и светские, молодые отвязные ребята с татуировками и девчонки с пирсингом в ноздрях и с немислимими бордовыми и голубыми прядями в волосах, бледные мальчики в кипах и полукриминальные на вид «качки», бедные и богатые, старые и молодые, – ВСЕ.

Уроки Багдада

(Израильский коллаж; военного времени)

То, что атака Багдада неминуема, понимали все.

Напряжение росло и уже зашкаливало безумством истерии, которую подогревали СМИ всех существующих в мире каналов информации. Обыватели спорили и делали ставки.

Интернет сотрясился от противоречий, безумных прогнозов и предчувствия чего-то глобального и неотвратимого. Аналитики подсчитывали коэффициент потерь и расстановку сил в обновленном пост-иракском мире. Фокус мирового внимания был прикован к нашему региону. В воздухе висел свинцовый запах войны.

А в непосредственной близости к месту событий находилась наша маленькая страна, не участвующая в предполагаемых военных событиях, но ожидающая гипотетических ударов от агонизирующего иракского диктатора. И в этой непростой обстановке жили тысячи моих сограждан, объединенных на какой-то миг одной судьбой, одной опасностью, одной надеждой, что Б-г не оставит, не забудет о нас. Мы все не знали – «Когда?», но четко понимали, что может быть ВСЁ.

Сегодня я уже уверенно могу сказать: мы все стали старше еще на одну ступеньку жизни, такой разной у каждого из нас.

Уроки этих тревожных дней я записала, чтобы когда-нибудь рассказать.

Но прежде совсем о другом.

Когда-то мне наивно казалось, что от опасности можно убежать: улететь на самолете, уплыть морем или уехать в последнем плацкартном вагоне поезда дальнего следования, стоя в дымном тамбуре в тесной толпе, без билета, без вещей, но спасаясь. Теперь я точно знаю, что рецепт выживания значительно проще и сложнее. Уроки тех дней меня научили хладнокровию и почти йоговскому спокойствию. Как всегда, вдруг, неожиданно и необычно на меня снизошло откровение в виде информации самого банального образца. Гуляя по Интернету, я набрела на скучный непрофессиональный сайт пожилого эмигранта, публикующего записки из своей не очень удачной жизни.

Изложение было сбивчивым и корявым, все события его серой жизни в американской глуши были тусклыми и незначительными, но я почему-то все же задержала внимание и стала читать текст, набранный мелким нестандартным шрифтом. Кто-то давал мне сакральные знания, которые мне так здоровогодились в эти непростые предвоенные дни, кто-то мне подсказывал... только надо было его понять, расшифровать. Со страниц пахло душным старомодным стилем:

«Мой друг открыл ящик комода своей жены и достал нарядный пакетик, завернутый в подарочную бумагу. Он выбросил пакетик и горько взглянул на шелк и кружева. Это было тончайшее белье цвета взбитых сливок с серебристо-сиреневыми атласными вставками.

– Я купил ей, когда мы были в первый раз в Нью-Йорке. Это было 8 или 9 лет назад. Она никогда его не носила. Она хотела сохранить эту красоту для особого случая. И сейчас, я думаю, пришел тот момент». Он подошел к кровати и положил белье к другим вещам, взятым из похоронного бюро. Его жена умерла. Когда он повернулся ко мне, он сказал:

– Ничего не сохраняй для особенного случая; каждый день, который ты проживаешь, – это особенный случай».

А потом компьютер завис, и текст исчез в паутине интернета.

Но с этого момента мне стало легче и проще. Опасность уже не пугала, не сковывала волю, не поглощала ум, не воздействовала на эмоции. Я просто жила в сегодняшнем дне, где все было отныне важно, значительно и неповторимо.

Мы мерили всей семьей противогазы, абсолютно не думая об их страшном предназначении и очень условной эффективности. Мы покупали клейкую ленту в непривычно длинных очередях и заклеивали окна в специальной герметической комнате, закупали бутылки с минеральной водой и консервы, и еще, и еще... Но при этом эмоционально мы жили

обычной жизнью, без паники и депрессий. Мы жили в своем дне, наслаждаясь самыми простыми вещами. Так, наверное, живут птицы и, наверное, так духовно был первоначально задуман наш мир.

Когда-то моя религиозная сотрудница, умница Авиталь, сказала:

– Не волнуйся, есть кому подумать о нас.

И так выразительно посмотрела на выцветшее хамсинное небо, что невозможно было ей не поверить.

Но вернёмся к интернетному тексту незнакомого пожилого американца:

«Отныне я каждый день пользуюсь своими хрустальными бокалами. Я одеваю свой новый пиджак, чтобы пойти в супермаркет. Мои любимые очень дорогие духи я использую каждый день вместо того, чтобы наносить их только по праздникам».

Но выйдем из загадочных компьютерных лабиринтов и еще раз вспомним эти трудные дни ожидания.

Я помню, как было непривычно малоллюдно на улицах, как тревога была разлита в воздухе и как страна замерла у телевизоров. Все напряженно ждали. Но мне уже не было страшно, я жила в своем Дне, проходила свою единственную траек-

торию движения, а все остальное было закодировано, неизбежно и неизвестно, но Там, в дне, который еще не наступил. Помню еще огромный непривычно пустой бассейн в разгар выходного дня, в этом было что-то ирреальное. Было все, как обычно: спасатели, тренажерные залы, сауна, но только без людей. Мы с мужем были одни в бассейне, от наших голосов в замкнутом пространстве поднималось ввысь эхо, и создавалась иллюзия, что мы проигрываем какой-то сюрреалистический сюжет. По дороге домой мы заехали в маленький придорожный ресторанчик, что на перекрестке перед поворотом в сторону Газы.

И, вдруг, я поняла, что коренным израильтянам давно известен рецепт выживания, подсмотренный мной в Интернете.

Они, как и я, жили **ОДНИМ** нашим светлым, солнечным днем, дыша морем и весенними цветами, которые в изобилии начинают цвести уже в феврале. Они жили, работали, отдыхали, любили, воспитывали детей, как всегда, получая максимум удовольствия от проживаемого Дня. Ресторанный зал был переполнен. Смешались иврит, русский, испанский, румынский, польский... Было весело и немножко хмельно. Хозяйка ресторана угощала посетителей пивом и «Калифорнийским мерло». Пили все и не по одному бокалу. Было вкусно, сытно и очень спокойно. В углу мерцал включенный телевизор, и диктор 22-го канала зачитывал очередные сводки новостей, в районе Багдада все оставалось по-прежнему,

без перемен.

Назавтра мой муж улетал в срочную командировку, и я впервые рыдала у него на плече, прощаясь в аэропорту, впервые за много лет мне было страшно расставаться. Но день, о котором пишу, остался островком моей памяти на том самом перекрестке, в том крошечном ресторанчике, где часы истории замерли в преддверии неизвестности.

Еще все были живы. Еще все можно было изменить. Еще не было атаки на Багдад, еще были живы все американские солдаты, еще не было разрушений древнейших памятников Цивилизации и мародерства, в еще не разрушенной гостинице «Палестина» беззаботно шутили журналисты, азартно ожидая драйва «настоящих» событий. Завтрашний день еще не наступил, еще никто на планете не знал, *по ком звонит колокол.*

Женская война

Я записываю в память своего блокнота этот осенний день, этот час неровным, быстрым почерком. Я тороплюсь рассказать, стоя в плотной незнакомой толпе. Этих людей я вижу впервые, они непохожи, по-разному живут, говорят на разных языках, у них разные обычаи и праздники и, возможно, почти нет никаких пересечений в нашей сумбурной израильской действительности, но... Простите мою неточность, я поторопилась назвать их толпой, отныне они, даже этого не подозревая, мне – отнюдь не чужие. Ведь у нас так много общего, наши ДЕТИ.

Эти люди – родные и близкие солдат, приехавшие на военную базу на принятие Присяги. Родители и друзья, братья и сестры. Сегодня мы все объединены общей судьбой, общей опасностью, общей надеждой общей тревогой за наших ребят.

Боковым зрением отмечаю: коренным израильтянам легче – большие надежные семьи, чаще с патриархальным укладом, живущие общими интересами, едины и в праздники, и в дни испытаний. И на фоне их кланов наши одинокие группы – островки со своей болью и тревогой в антураже далеко не безоблачного бытия.

О, какая это несравненная мощь – большая семья! И почему мы вспоминаем об этом так поздно? Солнечные очки

спрячут наверху слезы, их никто не должен видеть, ведь это наша обычная жизнь.

Щелкают объективы. Снимают видеокамеры. На застывших кадрах этого дня столько незнакомых лиц, с таким похожим выражением лица, в глазах застыли торжественность момента и гордость за своих новобранцев, таких красивых и сильных; отеческая тревога и смятение, немое подчинение той суровой действительности, которая становится на долгие три года нашими обычными израильскими буднями; с бессонными ночами, сумбурными телефонными звонками, мучительным ожиданием и постоянным гнетущим подсознательным страхом. Так в мою жизнь вошла эта тема, имя которой Война. Мне казалось, что за 12 лет жизни в Израиле я так хорошо знаю эту страну, я знаю все сильные и слабые ее стороны, знаю и понимаю менталитет ее жителей, могу объяснить причины большой экономики и все вехи сложнейшей новой истории, мне ясна идеология и философия страны, живущей в зоне повышенного риска, я чувствую корни и религиозное начало древних традиций и обычаев, но... Эта ТЕМА была для меня как бы вне фокуса, тема о которой, каюсь, возможно, намеренно не хотелось говорить. Мы так часто интуитивно уходим от самого важного в жизни, проявляя иногда непростительную слабость. Но в том, что человек слаб, так страшно признаться даже себе; это опрокидывает весь код нашего воспитания, ведь нас учили идти до конца и никогда не сдаваться. О, как хочется успокоить се-

бя, что это всё не так, что просто мы – сумасшедшие родители, склонные всё преувеличивать и драматизировать. Но в подтверждение своих истерзанных мыслей, нахожу в интернете жесткое определение сегодняшней политической ситуации в письме-эссе израильского политолога Льва Вершинина: «Мне кажется, слово «терроризм» уже ничего не объясняет, оно способно лишь запутать. Терроризма больше нет, есть война. Настоящая, полноценная, однако непохожая на предыдущие. Как, впрочем, была непохожа на предыдущие каждая по-настоящему великая война».

Помните, один из лучших романов о войне в мировой литературе – «На западном фронте без перемен» гениального Ремарка? А много ли изменилось в нашем восприятии со времён Первой мировой войны? И стал ли человек сильнее, моральнее, лучше? Ведь человеческая жизнь, уникальная и хрупкая, так беззащитна перед гигантским, безжалостным маховиком Войны, и в этом заложено чудовищное несоответствие. Война – это такая страшная ТЕМА и все, кто видел ее, – это уже другие люди, не лучше и не хуже, но другие. Война – это всегда грязная политика и грязные деньги, кровь и боль, путь в никуда, деградация и опустошение нации, а еще это тяжелейшая мужская работа, которая так часто в Израиле ложится и на нежные девичьи плечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.